

Д. А. Хитров

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. dkhitr@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ УЕЗДНЫХ ГРАНИЦАХ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В статье рассматривается вопрос о существовании демаркированных уездных границ в XVII – первой половине XVIII в., оспаривается существующее в историографии представление о «размытости» и «неопределенности» межей между уездами. Показано, что чересполосное расположение уездов характерно только для некоторых сравнительно небольших районов страны и редко встречается за их пределами. В представлениях современников уездная граница предстает как вполне определенная, часто демаркированная на местности линия, никаких неразмежеванных земель между уездами источники не фиксируют.

Ключевые слова: историческая география, историческая картография, уезды, границы, межевание

Задача создания точной и детальной карты уездного деления России в XVII – первой половине XVIII в. поставлена еще учеными середины XIX в. [Неволин, с. 429-518; Кропотов]. Несмотря на ее очевидную важность – отсутствие подробной карты существенно затрудняет разработку огромных комплексов массовых источников того времени, – она до сих пор не вполне решена. Одна из причин этого, наряду с исключительной сложностью задачи – сомнения специалистов в существовании самого объекта их исследования. Большинство историков, создававших карты «дореформенных» административных границ, основывались на налоговых и поземельных описаниях того времени (писцовых и переписных книгах, сводных документах ревизий и т. п.), локализуя отдельные поселения и на их основе создавая свои карты [Готье; Андрияшев; Водарский]. В этих документах, однако, границы не описываются, их приходится реконструировать, локализуя описанные поселения и пустоши на карте. В ходе этой работы обнаруживается множество неясностей и противоречий, что часто порождает у ученых глубокий пессимизм, представление о размытости и изменчивости любых территориальных единиц того времени.

Так, Ю. В. Готье, составивший первую карту уездов Центральной России на основе локализации части топонимов писцовых описаний XVII в., указывал, что «по причинам, не вполне для нас понятным, но вероятнее всего, для большего удобства управления и для уравнивания территории смежных уездов, волости или станы, отписывались иногда от того уезда, к которому тянули исстари, и присоединялись к соседнему, не теряя вполне связи с тем, к которому принадлежали ранее». Из этого ученый делал вывод о том, что и сами границы уездов существовали в XVII в. и даже «перешли в XVIII столетие в ... не вполне установленном и неопределенном виде» [Готье, с. 108-110]. К тому же мнению склонялись и другие специалисты конца XIX – начала XX в. Так, А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что «уезд составлял, видимо, то, что было уехано или заехано, примежевано к известному центру, причем размеры его отличались еще большею неопределенностью, чем размеры более мелких территориальных и общественных единиц» [Лаппо-Данилевский, с. 98]. Эта точка зрения перешла в советскую историографию, где наиболее последовательно была выражена Я. Е. Водарским. Описывая карту уездов 1670-х гг., результат огромного труда, выполненного коллективом Сектора исторической географии Института истории СССР под его руководством, он утверждал, что в XVII в. «правительство не имело четкого представления о территориях ... уездов». Указывая на встречающуюся в разных частях государства административную чересполосицу и полагая, что «между уездами могла находиться территория незаселенная и неосвоенная и потому не входящая ни в один уезд», ученый приходит к мнению, что «говорить о “границах” уездов в XVII в. можно только услов-

но. Они становились реальностью только там, где земли соседних владельцев, приписанные к разным уездам, соприкасались и становились предметом спора. Тогда появлялся межевщик и “разводил” межу, однако, не территории всего уезда, а лишь спорным землям» [Водарский, с. 140-141]. Подчеркнуто осторожно говорит Я. Е. Водарский и о пограничных размежеваниях первой половины XVIII в.: по его мнению, уезды могли обрести четко демаркированные границы только с проведением масштабных полевых съемок, которые, как известно, начались только во второй половине столетия [Постников, с. 54 и след.]; действительно, за редкими исключениями самые ранние «геометрические», то есть основанные на полевых измерениях, карты административных границ отражают уже новое, созданное губернской реформой Екатерины II, деление.

Этот взгляд обрекает любые картографические реконструкции уездов XVII – первой половины XVIII в. на априорную, неустранимую неточность и приблизительность.

Однако в историографии последних десятилетий накоплено довольно большое количество наблюдений, которые позволяют усомниться в столь пессимистичной оценке перспектив таких реконструкций. Прежде всего, новые исследования показали, что во многих частях страны административные границы обладали очень большой устойчивостью. Работы, в которых анализируется хозяйственное развитие отдельных уездов на протяжении XVII-XVIII вв., выявили, что изменений их границ в период до реформы 1775 г. не наблюдается (см., например: [Черненко; Фролов, Пиотух; Фролов; Давыдова]). Более того, можно считать установленным, что история многих из этих линий уходит в глубокую древность. В работах С. З. Чернова показано, что межи в окрестностях древнего Радонежа, впервые зафиксированные в актах XV в., продолжают в неизменном виде существовать до середины XVIII в. [Чернов]. А. В. Дедук, изучивший процессы формирования уездов в Тульско-Каширском регионе, показал, что для этих мест «за некоторыми исключениями характерна неизменяемость границ уездов с конца XVI в. по административную реформу Екатерины II» [Дедук, с. 295]. Не находит подтверждения и мысль ученых XIX в. о «неопределенности» границ. Многочисленные новые работы, посвященные реконструкции территорий отдельных уездов на основании писцовых книг и иных массовых источников, также показывают, что в подавляющем большинстве случаев можно вполне определенно говорить о принадлежности той или иной территории к тому или иному уезду (см., например: [Кутаков, Степанова 2016]).

Стоит отметить, что сомнения в возможности точно установить границы того или иного уезда тесно связаны с преобладавшим в историографии до 1970-х гг. представлением об уезде прежде всего как о воеводском округе. Еще А. Д. Градовский считал, что уезд «получал название города, к которому он был приписан», и представлял собой «округ, приписанный к этому центру» [Градовский, с. 371]. По мнению В. О. Ключевского, уезд – это «административно-судебный округ, тянувший к известному административному центру», «административный округ города» [Ключевский, с. 99-100]. К мнению В. О. Ключевского присоединились большинство историков последующего времени. Ю. В. Готье приравнивал появление нового воеводства к формированию уезда: «Позднее, к концу XVII в., некоторые из ... пригородов с их осадами выделились даже в особые самостоятельные уезды: в пригородах (Галичского уезда. – Д. Х.), например, в Суде и Кологриве, в 80-х годах столетия упоминаются особые, независимые от Галича воеводы» [Готье, с. 103, 107]. Я. Е. Водарский, также поддерживавший этот взгляд, очень четко сформулировал его связь с представлением о размытости уездных границ: «Поскольку уезд – это административный округ, который объединяет населенные пункты, “тянущие” к известному центру (городу или селу), то уезд не обязательно должен иметь целостную – будем называть ее “единой”, – территорию» [Водарский, с. 141]. Конечно, если речь шла просто об

административном подчинении, подведомственности «судом и платежом», границы такого округа могли иметь очень сложную конфигурацию и, главное, легко меняться по решению властей.

Всплеск интереса к истории служилых корпораций, характерный для последних десятилетий, привел к существенным изменениям в понимании того, что такое уезд, – теперь он чаще всего рассматривается как совокупность служилых и тяглых корпораций, с их земельными правами, служебными и налоговыми обязательствами (см., например: [Редин; Курбатов; Петрухинцев] и многие другие). Не углубляясь в этот вопрос, далеко отстоящий от темы статьи, отмечу, что формирующееся в историографии новое понимание значения уездов в жизни русского общества той эпохи также требует пересмотра представлений об их территориальной организации.

В настоящей статье мы попробуем заново рассмотреть аргументы, выдвинутые в свое время в пользу представления об условности границ XVII-XVIII вв., и оценить, насколько они продолжают сохранять свой вес в современной историографической ситуации. Подчеркнем, что здесь не идет речи о вопросах, связанных с периодическим обособлением некоторых небольших уездов или, наоборот, их включением в состав соседних, более крупных, что нередко случалось в XVII в. (так, например, Устюженский уезд на протяжении 1630–1680-х гг. время от времени включался в состав Угличского как его обособленная часть [ПСЗ, т. 2, № 1150, с. 718; Готье, с. 106; Пугач, с. 46 и след.]).

Прежде всего попробуем оценить степень устойчивости уездных границ на протяжении конца XVII – последних десятилетий XVIII в. Это можно сделать, сопоставив их отражение на карте Я. Е. Водарского, основанной в основном на материалах переписных книг 1678 г. [Водарский. Приложение 1], и на нашей карте, отражающей ситуацию накануне реформы 1775 г. и выполненной на основе широкого круга карт и сводных ревизских материалов того времени¹. К сожалению, разработки Я. Е. Водарского увидели свет лишь в виде мелкомасштабных схем², тем не менее современные методы позволяют довольно точно соотнести их с современной картой и одновременно с нашей картой уездов середины XVIII в. Если не брать окраинные регионы, которые показаны у Я. Е. Водарского очень приблизительно, существенных расхождений между двумя картами не обнаруживается. На рис. 1 даны два примера такого сопоставления – группы уездов в районе Тулы и Твери. Видно, что расхождения обусловлены в первую очередь разницей масштабов и некоторой неполнотой данных, лежащих в основе более ранней карты.

Важной частью традиционных представлений об уездных границах было убеждение, что они были очень причудливо переплетены, а территория уезда могла «вкрапываться в территории других, иногда отдаленных уездов» [Водарский, с. 141], так что возникали области, в рамках которых поселения соседних уездов чередовались – как анклавов или полуанклавов, соединенные узкими «мостиками» с основной территорией уезда, – примеры этого мы можем видеть в очертаниях Рузского, Малоярославецкого, Звенигородского, Старицкого, Епифанского, Муромского и других уездов.

Однако число анклавов и полуанклавов не стоит преувеличивать. По логике Я. Е. Водарского, подобные ситуации должны были быть очень распространенными просто в силу того, что в процессе заселения территории на нее должны были проникать представители разных уездов. Этого, однако, не наблюдается ни на его схеме, ни на нашей карте.

¹ Подробнее о принципах создания этой карты, источниках и сложностях, с которыми пришлось столкнуться, см.: [Хитров 2022б].

² Дело дополнительно осложняется тем, что проекция, в которой выполнены эти схемы, неизвестна; сложности с их привязкой заставляют предположить, что при подготовке к печати в расчеты были внесены искажения, связанные, видимо, с жесткими ограничениями на публикацию карт, действовавшими в 1970-х гг.

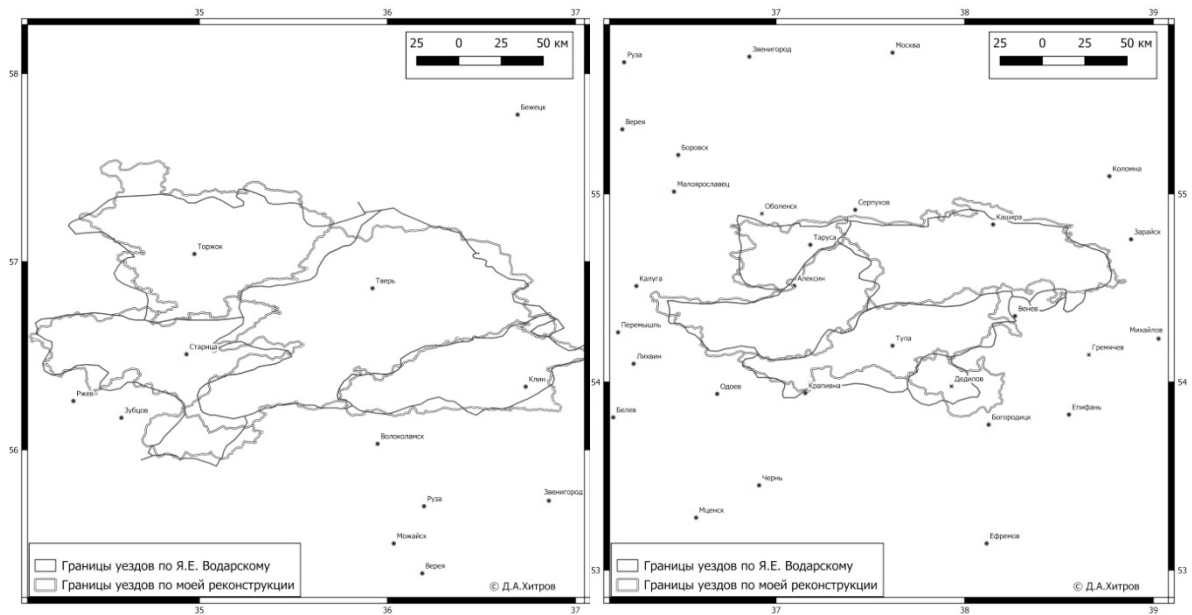

Рис. 1. Примеры границ уездов по реконструкциям Я. Е. Водарского и моим

Для оценки степени изрезанности границ можно использовать коэффициент, рассчитываемый как отношение периметра уезда к его площади – сколько километров границы приходится на 10 кв. км площади. Этот параметр тем выше, чем более сложными и неправильными будут очертания; он представлен на рис. 2. Границы дореформенных уездов иногда действительно весьма причудливы: средняя составляет 1,4, и имеется группа из 37 уездов, как правило, небольших, для которых коэффициент изрезанности превышает 2. Для сравнения, уезды, созданные в результате екатерининской реформы, покажут среднюю в 1,05, и только по 7 из них этот показатель превысит 2.

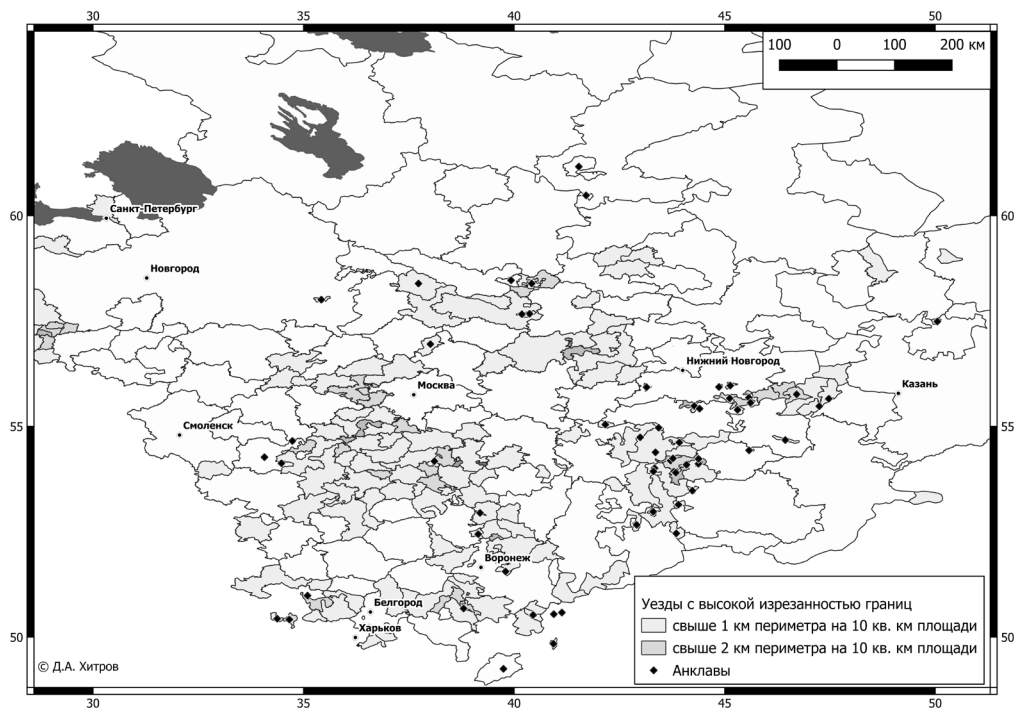

Рис. 2. Изрезанность границ уездов по данным середины XVIII в.

Хотя границы уездов иногда могут иметь весьма причудливые очертания, случаи, когда поселения разных уездов перемежаются в рамках одной и той же территории, не так уж многочисленны и, главное, встречаются далеко не повсеместно. На нашей карте в пределах Московской, Новгородской, Воронежской, Белгородской, Казанской, Смоленской и Архангелогородской губерний середины XVIII в. представлено 217 уездов. Из них несомненные анклавные территории, существенно отдаленные от остальных и со всех сторон окруженные землями соседних уездов, – имеют всего 29: Арзамасский (внутри Саранского), Бежецкий (внутри Новгородского), Брянский (внутри Серпейского), Великоустюжский (в западной части Важского, бывшие Устьянские волости, приписанные к Устюгу), Галичский (на границе Любимского и Пошехонского), Демшинский, Орловский и Павловский (к югу от своих территорий, в пределах Воронежского), Дмитровский (между Кашинским и Переяславльским, историческая область Вьюлка), Добринский (внутри Лебедянского), Казанский (на границе Свияжского и Цивильского, а также внутри Уржумского), Касимовский (к востоку от остальной территории, отделенный Шацким), Курмышский (семь небольших анклавов в южной части Нижегородского), Лебедянский (между Елецким и Воронежским), Мосальский (к северу от города, на границе с Вяземским уездом), Муромский (внутри Нижегородского), Острогжский (участок к западу от основной территории, отделенный Ольшанским), Путивальский (внутри владений Сумского полка), Саранский (внутри Алатырского), Серпейский (здесь город, окруженный территориями Мосальского и Мещовского уездов, отделен от основной территории, расположенной западнее), Тульский (на границе Веневского и Каширского), Угличский (на границе Ярославского и Пошехонского), Холмский (между Торопецким и Ржевским), Ярославский (разорван Угличским почти пополам и, кроме того, имеет анклав на севере, у границ Вологодского), а также Инсарский, Наровчатский, Нижнеломовский, Темниковский, Шацкий (все эти уезды очень причудливо переплетены, их территории состоят из нескольких частей у каждого).

Стоит специально подчеркнуть, что анклавные территории очень неравномерно. Их практически нет на севере, северо-западе и западе государства. В центральной его части, как и на востоке, в пределах Казанской губернии, они немногочисленны, причем речь идет о достаточно крупных территориях: в них по несколько поселений, и картографы XVIII в. уверенно обозначают их границы. Очень показательное спорное земельное дело между дворянскими крестьянами анклава Саранского уезда внутри Алатырского и их соседями, ясачной алатырской мордвой 1742 г.

В ходе разбирательства саранские крестьяне, обосновывая свои права на соседние земли, тем не менее, не ставят под сомнение ни то, что эти земли находятся в другом уезде, ни расположение уездной межи, хотя, вероятно, им было бы выгодно перенести рассмотрение дела из Алатыря, где администрация была склонна «неправо», по их мнению, поддерживать жителей с. Сыреси, в Саранск или Пензу³.

На рис. 2 хорошо видно, что есть лишь несколько регионов, в которых переплетение границ достигает такого уровня, что, действительно, едва ли можно говорить о межуездных границах в строгом смысле слова. Это, прежде всего, Тамбовско-Шацкий край (см.: [Хитров 2022a]); затем, Ярославско-Костромское Заволжье, где в треугольнике между Ярославлем, Галичем и Вологдой весьма сложным образом перемежаются территории Ярославского, Костромского, Галичского, Пошехонского, Любимского и Вологодского уездов; территории к югу от Белгородской черты, где земли южных русских уездов перемежались с землями слободских полков; южная часть Нижегородского уезда, где чересполосно с ним расположен Курмышский; нако-

³ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 1. Ед. хр. 5663. Выражаю признательность В. Д. Кочеткову, познакомившему меня с этим документом.

нец, западная часть Великоустюжского уезда, которая довольно сложным образом переплетена с территориями Важского (особенно за счет включения в его состав в XVIII в. Устьянских волостей) и Тотемского уездов.

Тотемско-великоустюжская граница заслуживает отдельного разбора. Поселения, тянувшиеся вдоль течения Сухоны между Коченьгской слободкой и Негренским погостом, попеременно подчинены то Устюгу, то Тотьме. На разных ландкартах середины XVIII в. эта область изображается по-разному, но всегда без анклавов. Если на рукописной карте западной части Архангелогородской губернии 1765 г., созданной в межевом ведомстве⁴, тотемские земли соединены за счет водораздела к югу от реки, а великоустюжские – с севера, но на печатной карте 1773 г. – наоборот [Шмидт]⁵ (см. рис. 3; показан фрагмент карты 1773 г., поверх которого пунктиром нанесена великоустюжско-тотемская граница по карте 1765 г.). Понятно, что единственной транспортной артерией в этих местах была река, и в реальности поселения вдоль части ее течения действительно имели разное подчинение; однако важно, что участки межей в приречной территории совпадают, а современники были склонны изображать эту ситуацию не в виде серии анклавов, а как пограничье двух уездов, земли которых сложно переплетены, но тем не менее каждое из поселений имеет сухопутный «коридор» к основной территории.

Рис. 3. Границы Тотемского и Великоустюжского уездов на картах середины XVIII в.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16. Ед. хр. 21224.

⁵ То же положение границ мы видим на рукописных ландкартах 1730-х гг. (см.: НИОР БАН. Собрание географических карт. Основная опись. Ед. хр. 533, 534).

Представляется, что в будущем исследователи смогут выяснить, какие факторы вызвали появление подобной чересполосицы уездов в этих частях страны (о Шацком и Кадомском уездах см., например: [Беляков]). Для нас же сейчас важно подчеркнуть, что для всей остальной территории государства она не характерна. За пределами названных, относительно небольших, регионов уездные границы имеют вполне четкие очертания, которые, может быть, несколько более изрезаны, чем те, что позже возникли в результате рационального екатерининского «нового разделения империи», но никак не могут быть оценены как зыбкие или приблизительные.

Однако воспринимали ли современники границы между уездами как линии, проведенные на земле, или же речь шла о том, что за пределами принадлежащих конкретным селам и конкретным землевладельцам земель лежали территории, не отнесенные ни к одному уезду, и только их хозяйственное освоение и последующее закрепление за владельцами сообщали им административную принадлежность? Могли ли, в частности, между уездами лежать «ничейные» земли?

Следует признать, что уездные межи, если они действительно существовали в это время, плохо отражены в источниках. Попробуем обозначить основные группы источников, в которых они зафиксированы.

Прежде всего, речь идет о картографии того времени.

Для XVII в. в нашем распоряжении имеется корпус русских географических чертежей, в основном из фондов Поместного, Посольского и Разрядного приказов⁶. Их сплошной просмотр позволил выявить порядка полутора десятков памятников⁷, на которых видны уездные границы⁸: их относительная немногочисленность связана с тем, что чертежи почти всегда крупномасштабные, охватывают лишь одно или несколько смежных поселений и чаще всего во внутренних частях уездов. Чертеж XVII в. обычно представляет территорию как набор отдельных локаций, принадлежащих землевладельцам поселений и пустошей. Они изображаются на таких чертежах чаще всего как небольшие кружки с надписью внутри и окружены свободным пространством – землями, которые не попадают в писцовые описания, не меряются писцами, а в эпоху Генерального межевания будут именоваться «примерными». Уездная граница, однако, всегда прочерчивается как линия, разделяющая как населенные, так и ненаселенные земли. Очень показателен большой чертеж владений Медынского уезда по течению р. Угры. Обширная территория этого анклава показана целиком и со всех сторон окружена ясно обозначенными гранями: часть из них совпадает с реками, и тогда на противоположном, пустом берегу появляется надпись: «Ярославецкого уезду Малого»; «Земли Мещовскаго уезду розных помещиков». Со стороны Можайского уезда граница проходит по лесам, и она обозначена как красная линия, за которой также помета: «Земли Можайского уезду». Стоит особо отметить, что большой участок незаселенного леса, расположенный в верхнем правом углу карты, вполне определенно включен в состав Медынского уезда⁹.

В ряде случаев чертежи XVII в. сопровождаются и указаниями на межевые знаки. Так, на чертеже земель по р. Сменек Ефремовского уезда показана «Старая писцовая городовая

⁶ Каталог таких чертежей был составлен В. С. Кусовым. Чертежи были оцифрованы и привязаны к местности группой исследователей под руководством А. А. Фролова и А. А. Голубинского (см.: [Фролов, Голубинский, Кутаков]; <http://rgada.ru/geos2/>).

⁷ В соответствии с нумерацией веб-ГИС: № 303, 344, 402, 422, 448, 482, 568, 574, 688, 773, 819, 833, 899, 901, 902, 907, 1012, 1014, 1042 и др.

⁸ Одному из них посвящена специальная работа: [Кутаков, Степанова 2017].

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Калуга. 26177. Л. 100-102. Чертеж земель Медынского уезда по реке Угре. URL: <http://rgada.ru/geos2/zapros.php?nomer=300> (дата обращения: 20.03.2025).

межа» между Ефремовским и Ливенским уездами и обозначены межевые знаки: «писцовой дуб з гранью, Волчей верх, береза двойная на одном корени»¹⁰.

Перейдя в XVIII в., мы увидим четко обозначенные границы уездов на всех дошедших до нас памятниках – на картах «сенатских», или «петровских», геодезистов, в «Атласе Российском» 1745 г., на печатных картах 1760-х гг. и в памятниках ранней картографии Генерального межевания. Как известно, все эти линии не были результатом полевой съемки – геодезисты просто наносили на карту относящиеся к данному уезду поселения, а затем обводили их общей линией [Хитров 2022б], однако сам их подход основан на вполне определенном представлении, что такая граница между уездами существует, причем именно как четкая линия, без каких-либо территорий «смешанной» подчиненности.

Стоит особо отметить, что ни на одной из карт мы не найдем никаких признаков «ничейных» или «общих» земель между уездами, и только на крайнем юге бывают ситуации, когда за межей лежит не входящая ни в какие уезды «степь»¹¹.

Изредка уездные межи становятся объектом специального описания. В последние годы в научный оборот было введено довольно большое число документов, связанных с размежеваниями уездов в Центральном Черноземье во второй половине XVII в. Во время строительства Белгородской черты, как известно, здесь возникло довольно много новых городов-крепостей, и часть из них обрела собственные уезды. В. Н. Глазьев описал конфликт между воронежскими и усманскими служилыми людьми в 1640–1650-х гг. из-за Усманского леса на левом «ногайском» берегу верховьев р. Воронеж. Этот лес был «въезжим», то есть находился в общем пользовании землевладельцев как с воронежской, так и с усманской стороны. Однако если внутри своих сообществ те и другие мирно договаривались о совместном использовании этих угодий, то между этими сообществами произошел жесткий конфликт, потребовавший вмешательства государственной власти. Размежевание, проведенное усманским воеводой С. М. Вельяминовым, не устроило воронежцев, и они просили о повторном проведении межи, ссылаясь на то, что их лишили земель, которыми они ранее не только пользовались, но и за которые платили в Приказ Большого дворца «верховой» оброк [Глазьев, с. 8-9]. Е. В. Камараули описала подобный конфликт из-за земельных угодий между служилыми сообществами Воронежа и основанного в 1642 г. Коротояка [Камараули, с. 73-87], а А. А. Гоголева – Коротояка и Острогожска [Гоголева, с. 69-71]. Д. Е. Евсюков показал, как к новооснованному Яблонову постепенно отходили прилегающие территории Оскольского уезда [Евсюков]. Во всех этих случаях речь шла о проведении сплошных, демаркированных на местности межей, причем такие работы осуществлял уполномоченный из Москвы межевщик в присутствии представителей обоих уездов.

Нужно отметить, что все описанные случаи связаны со строительством новых городов на Белгородской черте. Все они возникали на уже первоначально освоенной территории, становление новых уездов не могло не порождать конфликтов между «старыми» и «новыми» служилыми корпорациями, поэтому границы устанавливались решением государственной власти, ее представителями, уполномоченными из Москвы. К 1670-м гг. эта практика получила законодательное оформление – в указе 1673 г. о раздаче поместий из «дикого поля» в заочких городах предписывалось, «про городские межи сыскав допряма... и межи писать в книги, и в межах описывать именно, где прилучатся реки и буяраки и ручьи, и по тем городским межам столбы ставить, и ямы капать, и на деревьях грани писать, и всякие признаки чинить, и столб от столба и яма от ямы мерить в сажени, сколько меж ими по расчету сажень будет, чтобы в тех

¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стб. Елец – Ефремов. 23829. Ч. 7. Л. 3. URL: <http://rgada.ru/geos2/zapros.php?номер=902> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹ Например, к юго-западу от Пензенского уезда: НИОР БАН. Собрание географических карт. Основная опись. Ед. хр. 576.

городовых межах меж городов впредь спору никакого не было, и к тем межевым книгам того города... и иных городов уездов, которые на том межевании с ними будут, велеть руки приложить; а будет в городских межах меж городов учинится спор, и... о том писать великому государю к Москве в Поместный приказ» (цит. по: [Герман, с. 134]). Стоит специально подчеркнуть, что в результате в этом регионе, несмотря на активное заселение, совершенно отсутствует чересполосность уездов – очевидно, «разведение» уездной межи исключало «отказ» новых земель воеводской администрацией вне пределов уже установленных границ уезда.

Насколько возможно распространять эти наблюдения на другие регионы страны?

С этой точки зрения особого рассмотрения заслуживает дело 1689–1692 гг. об административной принадлежности Ошланской волости на границе Вятской и Казанской земель [О заселении земель, с. 45–56]. На его большое значение для изучаемого вопроса указал еще Я. Е. Водарский [Водарский, с. 140], который, однако, ограничился краткой оценкой его как примера легкого смещения границ уездов в ходе хозяйственного освоения. Представляется, однако, что этот комплекс документов говорит как раз об обратном.

Как сообщает нам дело, группа черносошных вятских крестьян поселилась на р. Ошлане, правом притоке р. Вои, в лесах к югу от Хлынова, в 1664 г. В 1679 г. в Ошланской волости по переписным книгам числилось уже 100 дворов, плативших 110 рублей стрелецких денег, «опрочь иных доходов». Однако при следующей переписи, в 1684 г., выяснилось, что местные жители сумели записаться в ясачные крестьяне Казанского уезда, что позволило им резко снизить уровень тягла – теперь они платили всего 11,2 рубля (а также 15 четвертей хлеба). Выгода была столь значительна, что лидер ошланцев, Михей Обухов, «вятскому переписику переписывать той волости не дал», угрожая расправой. Вятская администрация пожаловалась в Москву, и вопрос специально разбирался в Думе, с участием государей и князя В. В. Голицына. Прежде всего, московские администраторы выяснили, что «рубеж де той земле Казанскому и Вятскому уездам по Вою реку»; соответствующие показания вятчан не оспаривал и представитель казанской воеводской избы – очевидно, это был общеизвестный факт. Опираясь на него, решение было принято не в пользу ошланцев: их было велено «приписать к Вятке и быть им в тягле с вятчаны тяглыми людьми, и стрелецкие денги и всякие доходы платить им на Вятке с вятцкими тяглыми крестьяны вместе, для того, что они поселились в Вятцком уезде на земле Чепецкого стану» [О заселении земель, с. 46–52].

Часть бывших вятчан, однако, перебралась на правобережье Вои; здесь власть хлыновской администрации заканчивалась, и жалобщики открыто говорили, что «за Вою реку вятские посыльщики, которые бывают посланы для наших великих государей всяких доходов, ходит не смеют». Судьба этих «завойских» жителей рассматривалась отдельно, и их, в отличие от остальных ошланцев, было решено не оставлять на обжитом месте, а переселить обратно в Вятский уезд: «а которые вятчаны збежав с Вятки живут в Казанском уезде за Вою рекою... велеть отдать на Вятку» [О заселении земель, с. 55].

Как представляется, «ошланское дело» показывает, во-первых, что незаселенные земли на границе двух уездов разделялись вполне определенной, известной обеим сторонам и признаваемой ими межой; во-вторых, что поселение на такой земле выходцев из другого уезда не только не приводило к изменению ее административного статуса, но и воспринималось как нарушение, путаница, требующая устранения.

О том же, на мой взгляд, говорят и материалы XVIII в., особенно связанные с заводостроительством. Заводы часто основывались в довольно отдаленных от других поселений местах, в лесах, зачастую на пограничье нескольких уездов. Тем не менее в указах об их строительстве всегда вполне определенно говорится, на земле какого уезда строится завод. Особенно ярким

можно считать пример, связанный с основанием братьями Баташевыми Выксунских заводов: глухие леса правобережья Оки, где рудознатцы Баташевых в конце 1750-х – начале 1760-х гг. обнаружили пригодные для завода рудные месторождения, традиционно относились к Арзамасскому уезду (в частности, изображаются в его составе на ландкартах 1720-х гг.¹²), находились очень далеко от других его поселений, зато выраженно тяготели – прежде всего в транспортном отношении – к Муромскому. Тем не менее Выксунский и Велетьминский заводы числились в Арзамасском уезде [Павленко, с. 123-124].

Итак, в основе понятия «уезда» лежало представление о части территории государства, обладающей вполне определенными границами. Сопоставление уездных карт 1670-х и 1760-х гг. показывает, что их изменение было весьма редким явлением.

Земли, права владения на которые не были оформлены (массивы лесов на севере и «дикого поля» на юге, а также окружающие поселения территории, выходящие за определенные документами размеры земельных дач – будущие «примерные земли» эпохи Генерального межевания), также, по общему правилу, воспринимались как принадлежащие к определенным уездам. Есть основания полагать, что везде, где земли были хотя бы в минимальной степени вовлечены в хозяйственный оборот или пригодны к хозяйственному использованию, у местных жителей имелись весьма четкие представления о том, как проходят уездные границы; напротив, «ничейных» земель между уездами в XVII-XVIII вв. мы не обнаруживаем.

Сложившиеся еще при первоначальном формировании уездов межи признавались как государством, так и уездными сообществами, будучи одним из важнейших факторов, влиявших на процессы освоения земель. «Старина» придавала им характер общепризнанных и юридически значимых линий; при этом они плохо отражаются в письменных источниках просто потому, что редко оспаривались.

Сложности с такими межами возникали, видимо, в основном в тех случаях, когда речь шла о новом уезде, формирующемся вокруг вновь основанного города. Здесь возникала потребность в размежевании с соседями: новый город, конечно, строился на хорошо известной и уже довольно освоенной территории, и чаще всего жители соседних уездов были склонны включать эти земли в свою межу; нередко в округе нового города присутствовали и поселения соседнего уезда с вполне оформленными землевладельческими правами. Если возникал пограничный конфликт, требовалось прямое вмешательство государя: часть поселений указами передавалась в уезд нового города, а из Москвы присылался межевщик, отводивший территории к новому уезду и демаркировавший границу.

Границы уездов XVII-XVIII вв. бывали довольно причудливыми, но степень административной чересполосицы не следует преувеличивать: на севере, северо-западе, в центре и на юге страны большинство уездов обладали слитными территориями, анклавов были немногочисленны и довольно велики, они включали в себя целые группы поселений и также обладали вполне определенными границами. Исключения из этого правила наблюдаются лишь в нескольких относительно небольших регионах: в Тамбовско-Шацком крае, в южной части Нижегородского уезда, в ярославско-коstromском Заволжье, в Верховажье.

Причину устойчивости сети уездных границ, которая, в частности, успешно пережила ликвидацию воеводств в петровское время, следует видеть в том, что с ней была тесно связана традиция администрирования земельного фонда государства, сложившаяся в Поместном приказе и продолжившая существовать в Ветчинной коллегии. Эта традиция предполагала, что любое земельное пожалование, любые основания земельных прав связывались с конкретным уездом, и уезды продолжали существовать, пока существовала система фиксации этих прав,

¹² См., например: НИОР БАН. Собрание географических карт. Основная опись. Ед. хр. 423.

основанная на архиве Поместного приказа. С началом Генерального межевания, в рамках которого создавались новые документы, не связанные больше с этой традицией и оформляющие земельную собственность на качественно иных основаниях, возникли и предпосылки для радикальной перестройки всей системы внутренних границ государства.

Источники

О заселении земель по р. Ошлани и об отписке их в тягле к Вятке (сообщил В. И. Шабалин) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1909. Вып. 2-3. Отд. 3. С. 45-56.
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 2. 974, 2 с.
Шмидт Я. Ф. Генеральная карта географическая, представляющая Архангелогородскую губернию, на свои провинции разделенную. СПб., 1773. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008677773> (дата обращения: 20.03.2025).

Литература

Андряшиев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1914. 552 с.
Беляков А. В. Формирование границ в Мещере (к истории одной ошибки) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика Л. В. Милова. С. 289–294.
Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. 263 с.
Герман И. Е. История русского межевания. 2-е изд. М., 1910. 302 с.
Глазьев В. Н. Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. как исторический источник // Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. Воронеж, 1998. С. 8-9.
Гоголева А. А. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городские воеводы и черкасские полковники. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 241 с.
Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. 411 с.
Градовский А. Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского. СПб., 1899. Т. 2: История местного управления в России. Уезд Московского государства. 492 с.
Давыдова А. А. Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI – XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. 228 с.
Дедук А. В. Формирование границ Каширского, Тульского, Веневского и Соловского (Крапивинского) уездов в конце XV – XVI вв. и Засечная черта // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика Л. В. Милова. С. 294–297.
Евсюков Д. Е. Оскольский уезд: административно-территориальные преобразования после основания города Яблоница // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2017. Вып. 2. С. 43-47.
Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009. 302 с.
Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. 6: Специальные курсы. 476 с.
Кропотов Д. А. Записка об издании географического атласа древностей России. СПб., 1862. 28 с.
Курбатов О. А. Областные разряды царского войска: от воеводских росписей до военных округов // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2017. Вып. 2. С. 3–15.
Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке // Историческая география. М., 2016. Т. 3. С. 280–317. DOI 10.21267/AQUILO.2016.3.3939
Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Историко-географический комментарий к чертежу Старицкого уезда XVII в. // Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона. Тверь, 2017. Вып. 3. С. 26–37.
Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. 557 с.
Неволин К. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1859. Т. 6: Исследования о различных предметах законоведения. 643 с.
Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводоладельцы. М., 1962. 564 с.

- Петрухинцев Н. Н. Военные и социальные структуры «черкасских» городов Белгородского разряда в 1679-1680 гг. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика Л. В. Милова. С. 491-495.
- Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. 227 с.
- Пугач И. В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI – первой половине XVII века // Устюжна: Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 4. С. 1–163.
- Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. 606 с.
- Фролов А. А. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2013. № 22. Вып. 3. С. 55-86; Вып. 4. С. 77–89.
- Фролов А. А., Голубинский А. А., Кутаков С. С. Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика Л. В. Милова. С. 379–385.
- Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495-1496 годов). М., 2008. Т. 2: Атлас и справочные материалы. 270 с.
- Хитров Д. А. Административное деление Мещерского края в XVI-XVIII вв. и его перестройка в последней четверти XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 8 (18). DOI 10.18254/S207987840022570-6 [Хитров 2022а]
- Хитров Д. А. О методах составления уездных карт первой половины XVIII в. и о возможностях их использования для пространственных реконструкций // Библиография. Археография. Источниковедение. СПб., 2022. Т. 5. С. 32–46. [Хитров 2022б]
- Черненко Д. А. Землевание и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII веков (опыт региональной типологии). Вологда, 2008. 212 с.
- Чернов С. З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987. 114 с.

References

- Andriyashev, A. M. Materialy po istoricheskoi geografii Novgorodskoi zemli. Shelonskaya pyatina po pistsovyim knigam 1498-1576 gg. Moscow, 1914. 552 p.
- Belyakov, A. V. Formirovanie granits v Meshchere (k istorii odnoi oshibki). In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2019. Iss. 6: Shestye chteniya pamyati akademika L. V. Milova. Pp. 289–294.
- Chernenko, D. A. Zemlevladienie i khozyaistvenno-demograficheskie protsessy v Tsentral'noi Rossii XVII-XVIII vekov (opyt regional'noi tipologii). Vologda, 2008. 212 p.
- Chernov, S. Z. Kompleksnoe issledovanie i okhrana russkogo srednevekovogo landshafta (po materialam drevnego Radonezhskogo knyazhestva). Moscow, 1987. 114 p.
- Davydova, A. A. Prostranstvenno-demograficheskie izmeneniya i osobennosti struktury rasseleniya Nizhegorodskogo uyezda v kontse XVI – XVII vv. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Nizhniy Novgorod, 2005. 228 p.
- Deduk, A. V. Formirovanie granits Kashirskogo, Tul'skogo, Venevskogo i Solovskogo (Krapivenskogo) uездov v kontse XV – XVI vv. i Zasechnaya cherta. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2019. Iss. 6: Shestye chteniya pamyati akademika L. V. Milova. Pp. 294–297.
- Evsyukov, D. E. Oskol'skii uезд: administrativno-territorial'nye preobrazovaniya posle osnovaniya goroda Yablonova. In *Belgorodskaya cherta: Sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty*. Belgorod, 2017. Iss. 2. Pp. 43-47.
- Frolov, A. A. Novye materialy po srednevekovoi istoricheskoi geografii zemel' Rzhevy Volodimerovoi. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2013. No. 22. Iss. 3. Pp. 55-86; Iss. 4. Pp. 77-89.
- Frolov, A. A., Golubinskii, A. A., Kutakov, S. S. Opyt kartografirovaniya korpusa geograficheskikh chertezhei Russkogo gosudarstva XVI-XVII vv. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2015. Iss. 4: Chetvertye chteniya pamyati akademika L. V. Milova. Pp. 379-385.
- Frolov, A. A., Piotukh, N. V. Istoricheskiy atlas Derevskoi pyatiny Novgorodskoi zemli (po pistsovyim knigam pis'ma 1495-1496 godov). Moscow, 2008. Vol. 2: Atlas i spravochnye materialy. 270 p.
- German, I. E. Istoriya russkogo mezhevaniya. 2nd edition. Moscow, 1910. 302 p.
- Glaz'ev, V. N. Perepisnaya kniga Voronezhskogo uyezda 1646 g. kak istoricheskiy istochnik. In *Perepisnaya kniga Voronezhskogo uyezda 1646 g.* Voronezh, 1998. Pp. 8–9.

- Gogoleva, A. A. Mestnaya vlast' v Ostrogozhskom uезде vo vtoroi polovine XVII - nachale XVIII v.: gorodovye voevody i cherkasskie polkovniki. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 2005. 241 p.
- Got'e, Yu. V. Zamoskovnyi kraj v XVII veke: Opyt issledovaniya po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoi Rusi. Moscow, 1937. 411 p.
- Gradovskii, A. D. Sobranie sochinenii A. D. Gradovskogo. Saint Petersburg, 1899. Vol. 2: Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii. Uezd Moskovskogo gosudarstva. 492 p.
- Kamarauli, E. V. Yuzhnorusskaya prikaznaya izba kak uchrezhdenie mestnogo upravleniya vo vtoroi polovine XVII veka. Voronezh, 2009. 302 p.
- Khitrov, D. A. Administrativnoe delenie Meshcherskogo kraia v XVI-XVIII vv. i ego perestroika v poslednei chetverti XVIII v. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. 2022. Vol. 13. Iss. 8 (118). DOI 10.18254/S207987840022570-6
- Khitrov, D. A. O metodakh sostavleniya uездnykh kart pervoi poloviny XVIII v. i o vozmozhnostyakh ikh ispol'zovaniya dlya prostranstvennykh rekonstruktsii. In *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovedenie*. Saint Petersburg, 2022. Vol. 5. Pp. 32–46.
- Klyuchevskii, V. O. Sochineniya. Moscow, 1989. Vol. 6: Spetsial'nye kursy. 476 p.
- Kropotov, D. A. Zapiska ob izdanii geograficheskogo atlasa drevnostei Rossii. Saint Petersburg, 1862. 28 p.
- Kurbatov, O. A. Oblastnye razryady tsarskogo voiska: ot voevodskikh rospisei do voennykh okrugov. In *Belgorodskaya cherta: Sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty*. Belgorod, 2017. Iss. 2. Pp. 3-15.
- Kutakov, S. S., Stepanova, Yu. V. Granitsy i administrativnoe delenie Tverskogo uезда v XVI veke. In *Istoricheskaya geografiya*. Moscow, 2016. Vol. 3. Pp. 280-317. DOI 10.21267/AQUILO.2016.3.3939
- Kutakov, S. S., Stepanova, Yu. V. Istoriko-geograficheskii kommentarii k chertezhu Staritskogo uезда XVII v. In *Istoricheskie issledovaniya v obrazovatel'nom prostranstve Tverskogo regiona*. Tver, 2017. Iss. 3. Pp. 26-37.
- Lappo-Danilevskii, A. S. Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty do epokhi preobrazovaniia. Saint Petersburg, 1890. 557 p.
- Nevolin, K. A. Polnoe sobranie sochinenii. Saint Petersburg, 1859. Vol. 6: Issledovaniya o razlichnykh predmetakh zakonovedeniya. 643 p.
- Pavlenko, N. I. Istoriya metallurgii v Rossii XVIII v.: Zavody i zavodovladel'tsy. Moscow, 1962. 564 p.
- Petrukhintsev, N. N. Voennye i sotsial'nye struktury "cherkasskikh" gorodov Belgorodskogo razryada v 1679-1680 gg. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2019. Iss. 6: Shestye chteniya pamyati akademika L. V. Milova. Pp. 491-495.
- Postnikov A. V. Razvitie krupnomasshtabnoi kartografii v Rossii. Moscow, 1989. 227 p.
- Pugach, I. V. Ustyuzhno-Zhelezopol'skii uезд v XVI – pervoi polovine XVII veka. In *Ustyuzhna: Kraevedcheskii al'manakh*. Vologda, 2000. Iss. 4. Pp. 1–163.
- Redin, D. A. Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnye uезdy Sibirskoi gubernii v 1711-1727 gg.). Ekaterinburg, 2007. 606 p.
- Vodarskii, Ya. E. Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka (Chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie). Moscow, 1977. 263 p.

Dmitry A. Khitrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ON THE ISSUE OF UEZD BORDERS IN THE 17th – FIFTH HALF OF THE 18th CENTURIES

The article examines the question of the existence of demarcated uезд borders in the 17th – first half of the 18th century, challenges the existing historiographical idea of the “blurriness” and “uncertainty” of boundaries between uезds. It is shown that the interstitial location of counties is typical only for some relatively small areas of the country and is rarely found outside these areas. The uезд border of that period appears as a well-defined, often demarcated line on the ground; sources do not record any non-delimited lands between counties.

Keywords: historical geography, historical cartography, counties, borders, land surveying